

Губенко Екатерина Викторовна

Государственное бюджетное образовательное учреждение

средняя общеобразовательная школа №1207

с углубленным изучением иностранного (английского) языка города Москвы

**АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА «КРОХОТКИ»
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДЫХАНИЕ»
С ОПОРОЙ НА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Для анализа художественного текста с опорой на лингвокультурологические характеристики я взяла произведение Александра Исаевича Солженицына, русского писателя XX века, публициста, поэта, общественного и политического деятеля, лауреата Нобелевской премии по литературе, человека с непростой судьбой и гражданина, глубоко и до конца жизни любившего свою многострадальную Родину. Валентин Распутин считал, что Солженицын – «и в литературе, и в общественной жизни... одна из самых могучих фигур за всю историю России», «великий нравственник, справедливец, талант» [Валентин Распутин Неустанный ревнитель. Памяти Александра Солженицына // *Лит. газета*. — 2008. — № 32. — С. 1].

Мною для работы взят текст из цикла литературных миниатюр «Крохотки», вышедший в 1964 г. Жанровая особенность цикла определяется по-разному: и миниатюры, и стихотворения в прозе, и, по определению самого писателя, «записи в общую тетрадь про запас» [Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. С. 30].

Классификация миниатюры в литературе весьма затруднена. Кто-то считает его стихотворением в прозе, кто-то маленьким рассказом, кто-то пишет, что это просто сверхмалая жанровая форма.

«МИНИАТЮРА — литературный термин, заимствованный из живописи. В живописи означает исполненную красками небольших размеров картинку, книжную заставку, концовку и т. п. Происходит этот термин от слова «миниум» — название красной краски (киновари или сурика), которая была в употреблении у старинных мастеров миниатюры.

По аналогии с произведениями живописи, термин «миниатюра» применяется и к произведениям художественного слова: как и в живописи, первой характеризующей чертой миниатюры — литературного произведения служат ее небольшие размеры: 5—10 страниц – предел, редко превышаемый» [Дынник В. Миниатюра // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А—П. — Стб.]

Далее Валентина Дынник продолжает: «миниатюрность, помимо небольших размеров, предполагает сохранение между составляющими частями тех же самых пропорций, какие существуют в соответствующем большом предмете. В применении к литературе, миниатюрой может быть названа вещь, охватывающая, по объему своих образов или же идей, такую же широкую область, какую охватывает крупное литературное произведение, а не ограничивающаяся одним каким-либо моментом, выхваченным из жизни, вне его общежизненного смысла.

Небольшие размеры миниатюры влекут за собою и другие ее чисто-формальные особенности, которыми она отличается от крупного по объему произведения. Среди них на первом месте — тщательность отделки. Здесь — полная аналогия с миниатюрой живописной, которая требовала острого глаза и уверенной руки» [Дынник В. Миниатюра // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А—П. — Стб.]

Жанр миниатюры - это своеобразный показатель мастерства, ибо в выборе этого жанра проявляется стремление, желание, умение писателя насытить предельно малый объем значительным содержанием, которое, подчиняясь требованиям формы, концентрируется, сгущается, уплотняется. Именно такой содержательный смысл я буду вкладывать в понятие миниатюры как литературного произведения.

Сам А. Солженицын для жанровой особенности своих этюдов использует слово «Крохотки» (крохотные, крошечные рассказы). Производящие основы относятся к разговорному стилю речи не зря. Они, как нельзя лучше, служат для непосредственного общения, когда автор делится с читателем своими сокровенными мыслями, обменивается информацией в житейской неофициальной обстановке. Разговорная лексика отличается смысловой емкостью и красочностью, придает речи живость и эмоциональность. К тому же сам автор постоянно выступал в защиту исконной русской речи: «Ещё не упущено изгнать то, что есть публицистический жаргон, а не русская речь. Ещё не поздно выправить склад нашей письменной (авторской) речи, так, чтоб вернуть ей разговорную народную лёгкость и свободу» [Не обычай дегтем щи белить, на то сметана. // *Лит. газета*. – 1965, 4 ноября]. Таким емким и понятным становится слово «крохотки» по отношению к небольшим по объему произведениям.

Я выбрала «крохотку» «Дыхание» из цикла рассказов, написанных в 1958-1963 годах после реабилитации писателя. В тексте сохранены особенности орфографии и пунктуации, которых придерживается автор.

Дыхание

Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка.

Я стою под яблоней отцветающей – и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя – и нет названия тому сладкому духу,

который напивает воздух. Я его втягиваю всеми лёгкими, ощущаю аромат всю грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми – не знаю, как лучше.

Вот, пожалуй, та воля – та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоённого цветением, сыростью, свежестью.

Пусть это – только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов. Я перестаю слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней – можно ещё и пожить!

«Крохотка» Солженицына, воспринимаемая как органически возникшая художественная целостность и результат творческого преодоления несовершенства жизни, имеет вполне четкую композицию и организацию. Мы можем выделить экспозицию (краткое повествование описательного характера, определяющее начало разворачивания сюжетного действия – первый абзац); завязку (описание того состояния и ощущений, которые испытывает герой, - второй абзац); кульминацию (точка наивысшего подъема, напряжения – третий абзац) и развязку (итог, вывод, в которых заключается эмоциональная, нравственная сила художественного произведения, - четвертый абзац). Достаточно формальное структурирование миниатюры, возможно, не в полной мере передает соотношение элементов сложно организованного художественного произведения, но позволяет глубже понять и разобраться в его содержательной части, в совокупности того, что *познано* автором, и того, что им *выражено* и идет от его воззрений, интуиции, черт индивидуальности.

Ключевое слово, ключевой для понимания данного текста образ находится в заголовке. Это **дыхание**. В словаре С.И. Ожегова *дыхание* определяется как: 1) процесс поглощения кислорода и выделения углекислого

газа живыми организмами; 2) втягивание и выпускание воздуха легкими. Мы знаем о важнейшем значении правильного дыхания, которое обеспечивает прекрасное здоровье, высокую энергетику организма, позволяет избавиться от болезней и лекарств, замедлить процессы старения. То есть для человека дыхание является главным энергетическим обменом с окружающей природой, той основой жизни, без которой мы, люди, не существуем.

Герой «крохотки» Солженицына дышит, стоя в отцветающем яблоневом саду после дождя, когда «не одна яблоня, но и травы вокруг *сочают...*» (окказиональное образование). **Сочить** (по С.И. Ожегову) – испускать, выделять из себя по капле (жидкость). А у В.И. Даля данный глагол определяется следующим образом: **сочать** - и сочить, сачивать что, кого (польск. *szukać*, немецк. *suchen*, франц. *chercher*), искать, от(раз)ыскивать, следить, гнаться, настигать; окончат. соверш. найти, добыть, поймать. Накладывание одного значения на другое происходит и дальнейшим контекстным усилением слова *дух* (в религиозном мировоззрении изначальная движущая сила, присущая всему живому; в христианстве третья ипостась единого Бога — Святой Троицы; а также настроение или состояние человека), который «*напашивает* воздух» (наполняет до насыщения или до опьянения). То есть герой оказывается в некой первозданной органически целостной природной (духовной) среде в противовес существующему искаженному бытию. И он не только втягивает, ощущает, но и **дышит**, соединяясь и избавляясь от прежнего груза, с некоей субстанцией, которая в третьем кульминационном абзаце получает свое наименование.

Воля... «...*та воля – та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма*». **Тюрьма́** (по разным версиям от немецкого *Turm* — башня, тюркского *türme* или татарского *törmä* — темница) — исправительное учреждение, место, где люди содержатся в заключении и, как правило, лишены целого ряда личных свобод. Контекст расширяет значение этого слова -

«лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь». Тюрьма как несвобода, зависимость от кого- или чего-либо, невозможность соединения с природой, естественным окружающим пространством (а для Солженицына, я думаю, возможность возвращения к православию). Дышать, таким образом, значит обладать волей – правом распоряжаться, руководить своими действиями, поступками, своей, в конечном итоге, жизнью, то есть обладать СВОБОДОЙ.

Ни одна из *страстей* человеческих (в православии так называется греховное расположение и навык человека, влекущий его к нарушению заповедей Божиих): *«никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще»* (*сладкий* – перен.: и приятный, доставляющий удовольствие; и льстивый, лицемерный, т.е. обманчивый) герою этого воздуха – праведной воли, свободы. Этот воздух напоен *«цветением, сыростью, свежестью»*. Однородный ряд далеко не однозначен. Цветение и свежесть «соседствуют» с сыростью – влажностью, большим содержанием влаги (по С.И. Ожегову). Чем же наполнен этот воздух (воля, свобода)? А может быть он пропитан влагой – слезами? Ведь для А. И. Солженицына наша эпоха – время «духовного голода».

Несвобода нашей действительности в последнем четвертом абзаце сжимает этот *«крохотный садик»* (насколько он мал, можно судить и по семантике выбранного признакового слова, и по уменьшительно-ласкательному суффиксу существительного) духовного мира героя, пытаясь задушить *«зверинными клетками пятиэтажных домов»*. Сравнение многоуровневое. Мы можем говорить и о людях, не по своей воле загнанных, как в клетки, в эти типовые (усредненные, без индивидуальности) дома 50-60-х годов прошлого столетия и вынужденные считать это величайшим благом (сейчас эти дома предназначены «под снос» как уродующие архитектуру города); и о звериных нравах людей, проживающих в этой усредненности, возможно, доведенных до подобного состояния, утративших духовность и проявляющих свое животное нутро по отношению к окружающему миру.

Далее противопоставление героя и окружающего непонимания возрастает. Разрывается пуповина, связывающая действующее лицо («я перестану слышать») с внешним миром. Появляются метафорические сочетания, характеризующие жизнь города: стрельба мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Причем семантические акценты связаны с военной (именно захватнической) тематикой (*стрельба, завывание*), а сочетание *бубны громкоговорителей* имеет колдовскую направленность (ср., бубны шаманов), что ярко и красочно иллюстрирует жизнь бездуховную, в которую многим приходится быть втянутыми. Такое существование уродует людей, разрушает их внутренний мир.

Сознательный разрыв и отказ от нравственной пустоты и безразличия дает герою возможность дышать – жить свободно. Но цена такого разрыва колоссальна! Срок этой свободы ограничен. Об этом говорит автор, а вслед за ним и сам герой: *«Пока можно еще дышать после дождя под яблоней – можно еще и пожить!»*. Дыхание, воля, свобода, жизнь становятся семантически равнозначными и равноправными понятиями. Это резюме как нравственная сила, итог данной миниатюры опирается на знаковую символику, связанную с яблоней (место, где находится герой, выбрано неслучайно). В энциклопедии символов яблоня рассматривается как символ бессмертия, вечности, цельности; Земли; жизни, здоровья, омоложения, вечной юности; ребенка, весны, начала; осени, конца, смерти; пророчества, мудрости, знания, потаенности. Оно также символизирует божественное присутствие; искупление, грех. В русской национальной культуре яблоко, яблоня являются символами окультуренного целостного мира – значит, по мнению автора, культура не погибла, не разрушена до конца, есть надежда на возрождение. Но обращаем внимание на инверсионное сочетание *«яблоней отцветающей»*, то есть, по мнению Солженицына, без преемственности, духовно-нравственного единения общества (соборности) и личности возрождение невозможно.

Философский пласт «крохотки» А.И. Солженицына «Дыхание» глубок и многогранен. Художественно-нравственное содержание воплощается (материализуется) не в каких-то отдельных словах, словосочетаниях, фразах, а в совокупности того, что в произведении наличествует. Согласимся с Ю. М. Лотманом: «Идея не содержится в каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, который не понимает этого и ищет идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стенах, а реализован в пропорциях здания. План — идея архитектора, структура здания — ее реализация» [Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. СПб. 1996. С. 37-38]. Возможно, в работе появилось больше вопросов, чем ответов на них. Но это была попытка еще раз понять, приблизиться и осознать социально-философские взгляды русского писателя XX века А.И. Солженицына, художественно воплощенные в его «крохотке» «Дыхание», раскрывающей мировоззренческие проблемы, касающиеся взаимодействия человека и природы, человека и общества, духовного мира людей. Проблемы, которые выглядят довольно привлекательно и заманчиво в сегодняшней ситуации кризиса личности и культуры.

Список использованной литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
3. Дынник В. Миниатюра // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. А—П. — СПб.
4. Валентин Распутин Неустанный ревнитель. Памяти Александра Солженицына // *Лит. газета*. — 2008. — № 32.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. СПб. 1996.
6. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом (Очерки литературной жизни). 1962-1974 гг.
7. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана. // *Лит. газета*. — 1965, 4 ноября.

